

Цзи Сичэнь оказался настолько прижат словами, что не смог ответить.

Остальные родственники переглядывались, будто не веря, что этот острый на язык человек — тот самый прежний семейный бездельник, который всегда робел и молчал.

— Ты... ты... — Вторая тётушка указала на Цзи Цинцы дрожащим пальцем. — Раньше ты таким не был!

Цзи Цинцы моргнул с невинным видом:

— Вторая тётушка, люди меняются. И вообще, вы правда знали, каким я был раньше?

Он сделал паузу, улыбка стала глубже:

— Или вы считали, что я навсегда должен оставаться таким?

Вторая тётушка снова лишилась слов.

Один дальний дядюшка не выдержал и вышел примирять всех:

— Ну хватит, хватит. Все же одна семья, зачем так? Цинцы, ты тоже не будь таким резким. Твоя тётушка ведь желает тебе добра...

— Добра? — Цзи Цинцы повернулся к нему и с улыбкой спросил: — Дядюшка, я что-то не понимаю. Говорить, что мой муж недостойн показаться людям, — это желать мне добра?

Мужчина замер.

Цзи Цинцы продолжил:

— Давайте так: позовите сюда вашу жену, а я тоже скажу несколько раз, что ей стыдно показываться людям. Посмотрим, почувствуете ли вы мою заботу.

Лицо мужчины мгновенно покраснело:

— Ты!

— А что я? — Цзи Цинцы выглядел совершенно невинно. — Я просто учусь у вас правильно вести себя с людьми. Почему вам можно, а мне нельзя?

Дядюшка дрожал от злости и только тыкал в него пальцем, не находя слов.

Тут выступила ещё одна родственница, дальняя тётушка, с добрым, почти материнским лицом:

— Цинцы, что за манера разговаривать? Старшие тебя отчитывают — ты слушай. Зачем перечить? Разве это не невоспитанность?

Цзи Цинцы моргнул, а затем внезапно повернулся к Сяо Линьюю, который всё это время стоял позади него.

Сяо Линьюй встретил его взгляд и слегка приподнял бровь, не понимая, что тот задумал.

Цзи Цинцы поманил его рукой:

— Сяо Линьюй, иди сюда.

Тот ничего не понял, но всё же шагнул вперёд.

Цзи Цинцы указал на дальнюю тётушку:

— Запомнил её?

Сяо Линьюй:

— ...Запомнил.

— Хорошо. — Цзи Цинцы удовлетворённо кивнул, затем повернулся к женщине и с улыбкой сказал: — Тётушка, советую больше ничего не говорить. Будете дальше бубнить — я велю ему вас укусить.

В комнате воцарилась тишина.

Сяо Линьюй:

— ...

Тётушка:

— ...Что?

Цзи Цинцы совершенно серьёзно пояснил:

— Укусить вас. У моего Сяо Линъюя зубы крепкие, кусается больно. Ещё раз скажете, что я невоспитанный, — велю ему вас укусить. И после этого не дам прививку от бешенства сделать.

Лицо женщины позеленело:

— Ты... что за слова такие?!

Цзи Цинцы моргнул:

— Человеческие. Вы не понимаете? Хотите, переведу на собачий? Гав-гав-гав?

Мёртвая тишина.

А потом...

— Пф-ф...

Кто-то не выдержал и рассмеялся.

Следом смех, как зараза, пополз по комнате. Кто-то опустил голову и прикрыл рот, кто-то отвернулся, а плечи у него ходили ходуном, кто-то вообще перестал притворяться и, держа бокал, смеялся во весь голос.

Лицо тётушки сначала было зелёным, потом красным, потом фиолетовым — настоящее цветное представление.

Цзи Сичэнь почернел ещё сильнее, вторая тётушка так разозлилась, что закатывала глаза, а дальний дядюшка тыкал в Цзи Цинцы дрожащим, словно при болезни Паркинсона, пальцем.

Сам Цзи Цинцы будто ничего не произошло. Он потянул Сяо Линъюя дальше в зал:

— Пошли, пошли. Найдём где сесть. Стоять утомительно.

Сяо Линъюй позволил увести себя, посмотрел на него сверху вниз и слегка улыбнулся.

Этот человек...

Действительно говорит всё, что только придёт в голову.

«Кусаться»? «Прививка от бешенства»? «Перевести на собачий»?

Как он вообще до такого додумывается?

Они прошли через толпу и сели на диван в углу. Цзи Цинцы расслабленно откинулся, закинул ногу на ногу, взял бокал шампанского и с удовольствием сделал глоток.

Сяо Линьюй сел рядом, посмотрел на него и тихо спросил:

— Ты не боишься обидеть людей такими словами?

Цзи Цинцы поставил бокал, покосился на него и хитро улыбнулся:

— Обидятся и ладно. Они и так меня не любят. К тому же...

Он сделал паузу, наклонился ближе и понизил голос:

— Веришь или нет, но сейчас они снаружи злятся до смерти, а внутри уже начали меня опасаться.

Сяо Линьюй приподнял бровь:

— Почему?

— Потому что я действую не по правилам. — Цзи Цинцы моргнул. — Раньше я был тихим и робким, меня можно было мять как угодно. А теперь? Врываюсь и спорю со всеми подряд, ещё и обещаю натравить тебя на людей. Ну как им не испугаться?

Сяо Линьюй помолчал:

— Они действительно испугаются?

— Это неважно. — Цзи Цинцы улыбнулся так, что глаза стали полумесяцами. — Важно, что они не знают, что я сделаю дальше. Неизвестность — самое страшное.

Сяо Линьюй посмотрел в его удивительно яркие глаза и вдруг спросил:

— И что ты сделаешь дальше?

Цзи Цинцы склонил голову, задумался, а потом показал загадочную улыбку:

— Угадай.

Сяо Линьюй просто смотрел на него и ничего не говорил.

Свет падал сверху и оставлял тонкие тени на белой щеке Цзи Цинцы. Длинные ресницы слегка загибались вверх, отчего глаза казались ещё живее. На губах играла улыбка, уголки глаз были чуть приподняты — он походил на демона-обольстителя, сошедшего с картины.

Сяо Линьюй отвёл взгляд, взял со стола бокал и отпил.

— Не пей много, — внезапно сказал Цзи Цинцы. — Скоро старый господин захочет тебя увидеть. Пьяным идти нехорошо.

Рука Сяо Линьюя чуть задержалась:

— Откуда ты знаешь, что он скоро позовёт?

— Угадал. — Цзи Цинцы моргнул. — Не мог же он собрать такую толпу только ради того, чтобы все на нас посмотрели. Наверняка ждёт где-нибудь дальше.

Сяо Линьюй посмотрел на него ещё внимательнее.

Иногда этот человек выглядел совершенно беззаботным, а иногда оказывался пугающе проницательным.

— Кстати. — Цзи Цинцы вдруг вспомнил кое-что, приблизился и тихо спросил: — Я там сказал, что велю тебе кусаться. Ты не обиделся?

Сяо Линьюй встретил его немного виноватый взгляд и спокойно ответил:

— Нет.

Цзи Цинцы облегчённо выдохнул:

— Ну и хорошо. Я это просто так сказал, я же не правда заставляю тебя кусаться.

Уголок губ Сяо Линъюя слегка поднялся:

— Я знаю.

Цзи Цинцы моргнул. Ему снова показалось, что в этой улыбке скрывается какой-то второй смысл, но понять какой он не смог.

Ладно. Неважно.

Он откинулся на диван и продолжил пить шампанское.

Сяо Линъюй сидел рядом. Его взгляд поверх толпы лёг на Цзи Сичэня, который неподалёку скрипел зубами от злости, а затем вернулся к чарующему лицу рядом.

Кусаться, значит?

Губы Сяо Линъюя снова слегка изогнулись.

Если ради этого человека...

Можно и укусить.

...

Неподалёку Цзи Сичэнь залпом выпил вино и мрачно смотрел на сидевших в углу двоих.

— Мам, ты только посмотри на его самодовольную рожу! — процедил он второй тётушке.

Её лицо тоже было неприятно мрачным, но она понизила голос:

— Не горячись. Старый господин ещё внутри. Вот встретится с ним — тогда и посмотрим, что будет!

Цзи Сичэнь холодно рассмеялся:

— Да что изменится? Он как был бесполезным, так и остался.

Вторая тётушка посмотрела на него и будто хотела что-то сказать, но передумала.

Почему-то ей казалось, что сегодняшний Цзи Цинцы и прежний семейный бездельник — словно два разных человека.

Что же произошло?

<http://bllate.org/book/20588/2058694>